

ВННАЧАЛЕ

ШКИ

Литературно-художественное приложение

№ 1 (55)

Литературно-художественное приложение

*Ребячьего племени маг и кумир —
Для них Вы одна на свете,
Ведь в Ваших глазах отражается
мир,
В котором живут дети.*

НА СНИМКЕ: педагог школы №19
Татьяна Борисовна ШЕВЦОВА.

Фото Виктора ДИАНОВА.

СЕЗОН НОВЫХ СТИХОВ

Начнут забытые находки
Душить, трясти, напоминать,
С глубин неведомых всплывать
Океанической подлодкой...
Казалось, накрепко забил
Подвал, гвоздями прошивая.
Казалось, накрепко забыл.
А память — вот она — живая.
Успеть, успеть "прости" сказать,
Покаяться, крестясь неловко...
Ломая пальцы, отвязать
Тугую, страшную веревку:

ВТОРАЯ ДАТА

Сквозь кладбищенские
звезды и кресты...
Тишина гудит, и сердце бьется.
Лица в рамочках раздумчиво чисты,
Взгляды удержать не удается.
В межпространстве реют голоса.
Тот, кто знает, слышит эти речи.
За оградой тянутся леса:
Шапки хвойные и бронзовые свечи...
Грай вороний бродит стороной...
Снилось: над могилою нагнулась.
Мой портрет. Две даты. Но второй
Не увидела. Невольно отвернулась

Нынче птицы очень грустные гостят.
Притомились, крылья белые болят.
Не едят пшено, а смотрят за окно.
Там темным-темно.

Там совесть каждого
размыто — нечиста,
И осужденье тайное струится.
Там каждый ищет: кто же виноват?
Тасует пережитое в колоды.
С тоскою острой провожает взгляд
Тех, кто сбежал и приобрел свободу...
Я в прошлое, как в воду, погружусь...
Ища приметы драмы пережитой,
Я прилечу и молча оглянусь,
Но... все травой забвения укрыто.
Иная жизнь хлопочет и шумит.
Бесстрастно небо чистое над нами.
Торжественно и тягостно звенит
Могильный холм жестяными цветами.

Человек душевный — дядя Гриша.
Выпил и кладовку отворил,
Подозвал соседского парнишку,
Старенький рубанок подарил!

Стружки ароматные летели,
Пел рубанок в радостных руках.
Строились скамейка и качели,
Полыхали розы на щеках...

Шла работа! Но зарубка вышла,
Не загладишь в сердце никогда.
Злой с похмелья крикнул дядя Гриша:
"Слышь, пацан, рубанок-то... отдай..."

Я голодаю. Голодаю

Ольга
Коваленко

То ль меня потеряли в дороге?
Жарко сердце свое отворяла,
Горячась, говорила о Боге...

Но сама оказалась в Иудах,
Раскroшила чужое доверье.
Не надеясь на скорое чудо,
Не спросясь, пооткрыла все двери...

Вот и мучаюсь. Истины кроха,
Дар любви сохранившая, тлеет.
Знаю, будет недолго мне плохо.
Я прощу. И душа повзрослеет.

АННУШ

После обеда
печурке ую
спицы март
часть котор
но откинула
на привычн
нуты она ос
ла. Волной,

УЛИНЧ

Уля, Улинка и
старики в Че
сердце. С са
ников. Да и н
у матери кро
базе ни крош
Так день пре
сжалился на
го едока, ма
ная от недоедания была, ка
дара. Но выжила.

РЕПЕРТУАР

НА ЯНВАРЬ 2002 ГОДА

Художественный руководитель театра —
заслуженный деятель искусств РФ Николай БЕРЕЗИН.

**Три
Века
Русской
Поэзии**

Эту нашу новую поэтическую рубрику мы открыли в прошлом номере "ЧЛ" стихами Александра Сергеевича.

Высокая гражданственность — вот что отличало русскую поэзию во все времена, вот что придавало ей особую сердечность и окрыленность. Высокая гражданственность или, по Пушкину, "дум высокое стремление", стала как бы законом развития русской поэзии, ее неотъемлемым свойством.

*Михаил
Ломоносов*

**ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ
ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО
СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ**

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла влажна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне — дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне, —
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мечут огонь моря?
Се холодный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав:
Вам путь, известен всех планет;

В этом году исполняется 65 лет заслуженному художнику России Яну Ивановичу Шплатову. За прошедшие годы им написаны сотни произведений, посвященных природе нашего забайкальского края. Его светоносная кисть на грубом холсте создает проникновенные лирические поэмы о бескрайних просторах с голубыми блюдцами озер и лентами дорог, о юных березках и стройных богатырях-соснах, над которыми разливается малиновый колокольный звон.

Творческий арсенал мастера в прошедшем году пополнился новыми произведениями, ранее не характерными Шплатову. Вместе с женой они расписали часовню Александра Невского на Титовской сопке. В этой семейной работе легко узнаваем авторский почерк, его плывущая линия и мягкие туманящиеся тона.

Мастер полон сил, и мы уверены, что еще не раз порадует своих поклонников новыми интересными работами.

На снимках репродукции работ
"Никольская церковь"
и "Дорога на Молоковку".

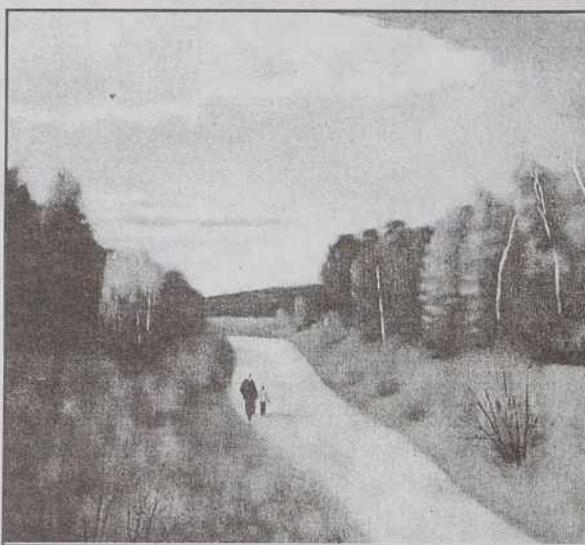

Фото Виктора ДИАНОВА

Н

многочисленная группа звенков с середины прошлого века кочевала со своими оленями в таежной полосе Трехречья по долине реки Быстрой с ее многочисленными притоками. Звенки

вели меновую торговлю с казаками из левобережных приаргунских станиц, а после революции 1917 года, когда русские заселили Трехречье, начали торговать с жителями двух самых верхних по Дербулу деревень — Дубовая и Ключевая.

Андаки (так назывались торговые партнеры с обеих сторон) заключали между собой устный договор, который подлежал строгому соблюдению. Русский андак обязался в течение года снабжать своего тунгусского андака мукой, солью, тканями, маслом животным, боеприпасами. Звенк, в свою очередь, обязался пушнину, панты, изделия из замши, из бересты предоставлять исключительно в распоряжение своего русского андака, становясь как бы его собственностью. Своеобразные ярмарки встречи андаков зимой в тайге, весной и летом около деревни назывались богжорами. Русский являлся на богжор со своим товаром (согласно перечню, представленному андаком), звенк — со своими, ничем не оговоренными. Обман был недопустим, но охотников из тайги по дороге нередко перехватывали предприимчивые русские и китайские спекулянты. Они по дешевке скупали часть пушнины, обычно подлоив простодушного кочевника.

В конце-концов андаки из тайги уяснили, что его русский андак так и так снабдит всем необходимым, начали хитрить, приносить пушнины все меньше и меньше. Поэтому торговлю с звенками не следует считать делом исключительно выгодным. Не так уж и много было желающих торговать с ними, а после войны, когда жизненный уровень населения Трехречья резко понизился, то звенки вообще с трудом находили торгового партнера.

Первые андаки у нас появились, когда наша многочисленная семья проживала еще в Усть-Урове, по левую сторону Аргуни. Потом в Трехречья вплоть до 1947 года, пока китайцы не согнали всех звенков под свое покровительство. Состав андаков неоднократно менялся. В середине 30-х годов с нами андачила большая семья Петра Прокопьевича Бульдотова, представителя одного из самых могучих и влиятельных родов маньчжурских звенков.

Петр Прокопьевич, по единодушному мнению русских старожилов Трехречья, был человеком необыкновенным и как охотник, и как своего рода вожак среди соплеменников. В XX веке по популярности и авторитету среди звенков с ним могли сравняться только двое: знаменитые шаман Иннокентий Иванович Калтакуров (умер в 1931 году) и Ольга Дмитриевна Кудрина — моя крестная мать. Иннокентий

Дом он усаживался на поленья около плиты и острым охотничьим ножом вырезал деревянные чашки и ложки или мастерил нехитрые игрушки для младших братишек и сестры. Увидев в шкафу рюмку, он на манер ее вырезал из дерева настоящий фужер, слегка обжег его на пламени, и красивая вещица заиграла. Японцы, захватившие к нам чуть позднее, упростили отца обменять им эту вещицу за три банки консервированных ананасов и бутылку водки "Жемчуг".

Старик был услужлив, и, присматриваясь к новому для него деревенскому быту, особенно к домашнему обиходу, старался быть полезным в меру своих сил. Он делал не только деревянные чашки и ложки, но и деревянные подставки под сковородки и утюги, мастерски приделывал дере-

ясы на время восхода и захода солнца. С появлением же такого точного "справочника", как Петр Прокопьевич, эта проблема (по крайней мере для нашей семьи) значительно облегчилась.

Но, пожалуй, еще более удивительная история произошла с термометром. На открытой веранде нашего дома висел термометр, вероятно, единственный на всю деревню. Петр Прокопьевич вначале тоже не понимал назначения этого странного прибора и подолгу останавливался, всматриваясь в ртутный столбик. Вскоре, однако, он без всякой посторонней помощи разобрался, в чем дело, и мог не только безошибочно определять температуру воздуха (не видя термометра), но и с непостижимой точностью предсказывать, какая тем-

пература будет на следующий день утром и вечером.

Мне кажется, что эту особенность старого звенка можно объяснить его необыкновенной наблюдательностью, умением подмечать казалось бы самые неприметные детали. У людей, проведших всю жизнь в глухой дикой тайге, выработалось особое умение ориентироваться в окружающей среде, в том числе и чувство времени. Они обладают особой интуицией, свойственной только им, — вечным и самым близким свидетелям различных природных явлений.

Присмотревшись к моим школьным занятиям, Петр Прокопьевич очень быстро уяснил себе многое: часы начала и конца занятий, систему оценки знаний (5 — это хорошо, 4 — похуже, 3 — так себе, 2 — совсем никуда не годится). Он понимал, что если я вовремя ("четвертый переход к

даже за незначительной глупости Нина Львовна Ч...

Возвращаюсь домой, а вич тихо, чтоб другие не у...

— Однако, паря, тебя коленах стоял.

— Как это ты определил, вопрошаю его.

— Вон посмотри, штаны совсем грязные...

Добавлю, что Ольга Дмитриевна звенки шли на богжор, приносили панты, унтиков, меховых перчаток ее работа будет ей пухом!

Многие дубовские ребята (я, осенью и зимой увлекся сачей (тетеревов). Способ очень эффективны, просты

ИЗ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ДЕРСУ УЗАЛА

ИЗ ДЕБРЕЙ ТРЕХРЕЧЬЯ

вянные ручки к поломанным ножам и вилкам, чинил рукавицы и перчатки.

Старый звенк утром нередко провожал меня до школы, которая находилась примерно в одной версте от нашего дома, а вечером, когда я готовил уроки, сидел со мной рядом и перелистывал книги, их я приносил из небогатой школьной библиотеки. Его очень занимали картинки с изображением зверей, птиц и сцен из охотничьей жизни. Рассматривая рисунки, он нередко подмечал неточности и доказывал, что в реальной действительности так не бывает. Огромные рыбины в виде кита и акулы навевали на старика панический страх, он спешил скорее перевернуть страницу. Хорошо помню, что мне никак не удавалось убедить Петра Прокопьевича в том, что лев самый сильный зверь на земле. Звенк исходил из величины животного и стоял на своем: самым сильным зверем должен быть слон, а со львом и наш медведь управится!

Неизменное отвращение у старика вызывали обезьяны, он их почему-то возненавидел, и я старался приносить книги без рисунков этих животных. Помню, как-то я специально для него принес книжечку с описанием разных пород собак. Петр Прокопьевич, изучив рисунки, сделал вывод, что для охоты в тайге пригодна только лайка. Все же остальные, в том числе и описываемые как охотничьи породы, по его мнению "никуда не годятся".

Познакомившись с картинками природы других широт, старик нашел, что его родные хвойные и березовые леса куда привлекательнее и лучше, чем роскошные тропические джунгли, а чум, построенный среди лиственных, несоизмеримо приятнее и удобнее роскошного особняка среди тенистого парка.

пература будет на следующий день утром и вечером.

Мне кажется, что эту особенность старого звенка можно объяснить его необыкновенной наблюдательностью, умением подмечать казалось бы самые неприметные детали. У людей, проведших всю жизнь в глухой дикой тайге, выработалось особое умение ориентироваться в окружающей среде, в том числе и чувство времени. Они обладают особой интуицией, свойственной только им, — вечным и самым близким свидетелям различных природных явлений.

Присмотревшись к моим школьным занятиям, Петр Прокопьевич очень быстро уяснил себе многое: часы начала и конца занятий, систему оценки знаний (5 — это хорошо, 4 — похуже, 3 — так себе, 2 — совсем никуда не годится). Он понимал, что если я вовремя ("четвертый переход к

же ребятишкам. Иногда школьные занятия и вместе с ними в поле или в "наволи в Трехречья пойменные вать настороженные ловушки в неурочное время тетерева (штука десять) мы обычно тайским лавочникам и обмудости или медяки. Ко времени занятий в школе мы стремились со всеми делами и, забрав танные в укромном местечке с толпой школьников, вои мой.

Вечерами после подобной особенно усердно готовил мои, как обычно, ничего Другое дело, старый звенк дом и вдруг таинственно вая слова:

— Однако ты, паря, совсем не был... Как он быть замечал более, чем моее лицо или находил на минку, веточку? Так или и это до сих пор непонятно.

По следам человека Петя безошибочно определял возраст, характер ение. По следу упряжной лтяжела ли была поклажа, лой была лошадь. Следы достаточно для определения и охотничьих качеств. Я уследах зверей... Отец мой рассказывал, что по "голо Петр Прокопьевич мог предупредждает, какую индхищник своим сородичам. было уведомление о том, видимости появился чум, р до оленей. Иногда волк п

(Продолжение. Начало на стр. 1)

Обедать сообща было давним и добрым правилом бригады. В полдень все шестеро каменщиков спускались по шатким сходням с четвертого этажа строящегося дома "для богачей". Весело и шумно становилось в вагончике. На стол дружно выставлялось содержимое свертков и целлофановых пакетов. Семен Гуськов, лучший каменщик бывшего стройтреста и непревзойденный балагур, приспособил под харчи дочерин портфель с оранжевыми карамельками стопсигналов — восьмиклассница Верка выплакала кожаный индийский ранец.

— Ползарплаты угрохал! — всерьез огорчился Гуськов. — А разве же ее, кобылицу, переспоришь? В классе все, говорит, давно у коммерсантов ранцы купили, а ты, дескать, лох. Мужики, да где же справедливость? А что такое "лох"?

До того, как распался трест, а то, что от него осталось, купил на корню за бесценок новый акционер — председатель Карманов, каменщики в старенький портфель Семена кое-что подзапасали. Не обед тогда получался — пирושка!

Но в мае, когда объявился хозяин, бригадир Анна Новикова, потрянув сложенной кулечкой газетой, строго объявила:

— Все, архаровцы, с выпивкой теперь шабаш! Вот, прочитали устав нашего нового акционерного общества: строгости неимоверные! Выходной — единственный, премии — это как сам посмотрит, ну а кто филолит или пьет — гуляй, Федя, за ворота! А сейчас где и какую работенку сыщешь? Считаю, поболее половины поселка остались не у дел: все везде поразвалилось...

Она припилила газету прямо над столом, потеснив портрет Владимира Высоцкого.

— Христос с тобою, Аннушка, — всерьез огорчилась степенная подсобная рабочая Лоншакова. — Нешто мы уже не люди, если нас закупили? Говорят, и отпусков теперича не будет, и профсоюз в запрете. А как же путевки, лекарства и так далее? Со спецвойкой-то как?

— Зажил Иван Сажин, — деревянно хохотнул Гуськов.

Но с той поры в бригаде выпивать почти не стали: так, перед праздниками, или к какому дню рождения. Расправилась и дисциплина. Все шестеро негласно утвердились в мысли, что работать — все равно где, все равно с кем: с бывшими трестовским, райисполкомовским начальством либо с хозяином-председателем акционерного общества "Багульник". Кирпич-то не стал от этого легче.

— Ох, любят же у нас демократы хреновы из коромысел дуги гнуть, — Семен глубоко-мысленно ткнул пальцем в потолок. Подвел итог. И вся бригада скучно рассмеялась.

За этим обедом центром внимания была Антонина Зубакина — ядреная женщина, с доверчивой родинкой на левой щеке. Спозранку напекла она ворох пирожков с паштетом, сыпанула на стол и благоговейно наблю-

— Перестань, кобелина! — ошпарила негодующим взглядом Зубакина. — Робенка-то посовесть! Нет, чтоб какую политическую новость рассказать, либо воспитаньем, как наставник, заняться, так он, мерин, кроет в обществе тяжкими матами. Макаренко! Да мой Федя...

— Что твой Федя? — крючком подцепился Гуськов. — Это тот, кому на сенокосе Усынина Тая фонарь под глаз поставила? Чтоб видел ночью, в чей шалаш лезет. А? Было дело?

От густого хохота, казалось, приподнялся потолок.

— Да ты! Да я! Сейчас вот... — побагровев, Зубакина угрожающе приподнялась. — Где тут, бабы, кочережка?

Крутой нором подсобницы Гуськов изучил хорошо. Не дразня судьбу, пулей вылетел за дверь, подперся ломом. Аннушка, еле сдерживая смех, притворно утиралась огромным платком. Антонина льющей металась по вагончику. К ее руке прилипло сучковатое полешко.

— Пусть только появится! Я ему такой сенокос покажу. Мой Федот...

— Козел рогов не видит, — с укоризненным вздохом проронила пожилой многочисельный Милованов, поправляя робу. — Его самого взять — Любанька наставляет рога, куды добром. По соседству живу — знаю...

— Во-во! Кобелина вражеский. Да мой Федюшка...

— Хватит вам! — напустила суровость, пристукнула Новикова кружкой. — Прекратить! Постыдное дело: в одном коллективе друг дружке кости промывать. Лучше обсудим, с чем мне завтра выступить на собрании. Помните, что акционеры? Думаю, надо снабженцев хорошенько отчистить. Спрошу и о том, сколько мы будем за акции получать. Еще что?

— Бог ты мой, Аннушка! — вдруг разулыбался Милованов. — Да тебе завтра, наверное, будут орден вручать? Мне Серега Спицын говорил, что решение от Москвы уже пришло. Он-то уж знает: ведь в Администрации шоферит...

Каменщики загудели — словно подкинули в печку смолья.

— Вот это здорово! Знай наших!

— Давно бы пора: заслужила. Почти сорок лет отмантулила на стройке. Не каждый конь переворочат!

— Как же, дадут! Догонят да еще дадут...

— Ага! Орден Сутулова... Фуршет с тебя, Аннушка! — всех перекричал объявившийся Семен, держась за дверную скобу и опасливо косясь на Зубакину. Ежели завтра наденут — всей бригадой домой нагреем. Мечи все, что есть, из печи! Верно, Антонина?

У Аннушки полыхнуло лицо — не ожидала такой реакции бригады. Сама-то напрочь забыла про орден. Стол показался вдруг ей тесным. Незлобно оттолкнув Семена, распахнула двери.

— Охолонитесь! Нечего лапти плести. Какой еще орден? Лучше закругляйте тары-бары: скоро перекрытия подвезут. А мне в контору надо: заявку проверить.

— В офис, господин бригадир, — ввернул Гуськов, — обвыкай.

Двор стройки залит полуденным светом. Утром было морозно, и солнце лениво шурилось из-за сизых косяков туч, но к обеду все-

как во двор въехал белый "Джип". Из него выbralся сам председатель правления, их АО "Багульник" Карманов — молодой улыбчивый брюнет. Замахал лисьей шапкой.

— Привет ударникам! Анна Ивановна, я за тобой! Надо срочно в Администрацию, кое-что по твоей боевой биографии уточнить. Поехали!

Стряхивая с рукавов кирпичное крошево, она спустилась с лесов. "Интересно, зачем понадобилась?" В салоне пахло дорогим одеколоном. Зам. главы администрации Котов, благообразный мужчина в очках с золотыми дужками, встретив, разулыбался ей, как родне.

— Милости просим, Анна Ивановна. Все рекорды бьете? Вот опять районка про бригаду расписала. Ну, молодец! Не зря мы, Олег

АННУ

Спиридонович, документы готовим. По труду, как говорится, и честь...

— Тихо... Валентин Дмитриевич, раньше времени-то... — с веселым стоном укоризненно протянул хозяин.

Анна, стараясь не шибко наследить подшитыми валенками, ежилась на краешке новехонького кожаного кресла, и на эти слова большого внимания не обратила. Карманов, уточнив даты, оживленно расспрашивал о бригаде, житье-бытье, угощал обжигающим кофе. Этот самый Олег Спиридонович еще сопливым огольцом на глазах Новиковой ловил скользких голянок в студеной речушке. Потом, раздувая щеки, трубил, шагая во главе отряда, в пионерский горн. Окончив какой-то мудреный институт в столице, вскоре стал комсомольским инструктором. Потом, до известных событий, побыл в райкоме, курировал стройки. "Номенклатура... Перспективный", — уважительно нашептывали в тресте.

Все лопнуло, как детский шар. Но когда с годами трест захирел, его акционировал, приватизировал он.

— Тебе одной, поди, сейчас на хлеб с маслом хватает? — прервал ее мысли Котов.

— Раньше тоже хватало! — отрезала она. — Да и вообще, при советской власти хуже не было. Во всяком случае нам, работягам. Ой, извините, это я так, — тушевалась Аннушка.

— Скромность украшает человека, но сильно осложняет его жизнь, — тугощеко хохотнул Карманов. — Сейчас все диктует рыночная погода. Ничего, у меня зарабатуете.

Именно тогда, заполняя анкеты, Аннушка с почтительным испугом и безграничным удивлением узнала, что ее хотят наградить орденом "За заслуги перед Отечеством". До того растерялась — закололо в животе.

— Ясное дело, это пока между нами, — заговорщицки подмигнул на прощание Котов. — Мало ли какие ветры задуют наверху...

В новом офисе еще не отообедали. В ожидании снабженцев Аннушка вспомнила о письме приемной дочери Катюши. Взяла его в ящике утром, второпях читать не стала. В кармане конверт немного сморщился, нагрелся.

С первых же строк обдало теплом.

(Окончание. Начало на 1 стр.)

Она, одеваясь, лишь усмехнулась бескровными губами. "Рожу. Может быть, стерпится-слюбится", — всю ночь нашептывал ей-то незнакомый прежде голос. В ней, ставшей женщиной, вдруг пробудилась новиковская семейная гордыня.

С того же дня бывшего любимого она почти не замечала. Вырвала с болью, с кровью.

Дней за десять до нового года в бригаде объявили хронометраж. Непонятное слово взбудоражило каменщиков. Насторожило.

— Знамо дело: будет сокращенье, — подытожил новость плотник Ваулин. — Эх, ядрит твою в корень, не дадут до пенсии дотянуть...

Из конторы треста пришла инженер отдела труда очкастая Инна Яновна Соковикова, которую иначе, как Ямовной никто из строителей не звал. Достала из сумки

И свирепо, уже громко матерился на всю операционную.

Когда, трое суток спустя, она впервые открыла глаза, первое, что увидела — пучок еще не распутившегося багула на старенькой тумбочке. Расплывчатое огромное белое пятно оказалось акушерской, тетей Фросей.

— Оклемалась? Ну, вот и ладушки! — радостно засуетилась сиделка. — Ох, и нагнала ты на всех страху! В беспамятстве, а кровящи-то сколь вытекло! Бабоньке своей, Шуре, спасибочки скажи: первая сдала четыреста граммов, как раз твоей редкой группы! Попей-ка молочка.

...Она по-прежнему сидела у стилого окна, не зажигая света. Месяц разбух, отливал серебром. В фиолетовой стыни переливались жемчужные звезды. Чернели на снегу ровные штакетины полисада. В пепельнице — словно кто полешков набросал. Ветви черемухи стеклянно вызванивали за окном. В доме становилось прохладнее. И, заслоняя ее воспоминани-

освежил, прогнал ночное беспокойство и усталость, смысл паутины горьких мыслей. А за крепким, словно деготь, чаем еще раз продумала, что сказать на собрании акционеров. У шифоньера замялась — и опять достала кофту.

— Пожелай мне удачи, Катюша...

Актовый зал уже заполнили принаряженные строители, когда к столу президиума стало подходить начальство. Рядом с улыбчивым Кармановым неторопливо и уверенно-властно шагал рослый мужчина в сером костюме — у Аннушки остро ворхнулось сердце.

— Это кто? — шепнула плечистому соседу впереди, не веря глазам своим.

— Из области товарищ. То-есть, господин председатель совета директоров. Много акций нашенских скупил. Раньше, говорят, работал в тресте. В прошлом году он...

Аннушка не слышала говорливого мужчину. Все сильнее, больнее колотилось сердце.

АННУШКИН ОРДЕН

пузатый будильник, блокнот и карандаш. Яков угодливо топтался рядом.

— В будущем году мы начнем пересматривать нормы выработки, — объявила Ямовна насторожившейся бригаде. — Цель одна: поднять производительность, вывести трест в число передовых по отрасли. Ну и кто желает из вас разряд повысить — получать побольше, тоже пересмотрим. Комиссионно. Сейчас мастер подъедет. Желающие совершенствоваться есть, Яков Сергеевич?

— Конечно! Вот, например, Новикова. Молодая, способная. Думаю, вытянет на третий разряд.

Подъехал молоденький, недавно после техникума, пухлощекый мастер Николай. Каменщики разобрались попарно. Предстояло сверить, сколько выполнят кладки за час. Аннушке, для третьего разряда, нужно было к тому же качественно завести угол. Трудовичка сунула Николаю будильник, что-то черкнула в блокнот.

— Время пошло! Приступайте!

— Ишь, завидно им, конторским крысам, что по три сотни получаем! — огрызнулась Кондакова, швыряя кирпичи на тачку. — Давай, чемпионка, буду я еще тебе наверх катать!

Аннушка недоуменно-вопросительно оглянулась на Якова. Он равнодушно отстранился, хотя подвозка в норматив и не входила.

— Новикова, часики тикают! — почему-то весело крикнул мастер. — Мышей не ловишь!

Дело-то вроде привычное: заготовка раствора, подача его, кирпичей на стены — кладки ряд за рядом. Сосредоточенно, без обычных шуток-прибауток все начали работать. Аннушка разгорячилась. Давила досада на Кондакову: зрелая, распеленная ревностью женщина будто специально вставляла ей палки в колеса. То бледнела с раствором подальше отгрозит,

ями, уже не донимала мысль о завтрашнем ордене.

А жизнь потом сложилась очень просто: будто пять карт одной масти из колоды бабки Агафоники. Она изредка, украдкой ворожила девушке. Бригада дружно уговорила остаться на стройке. Аннушка ушла в общежитие, освободив прижимистую тетку. Панов уехал на учебу в совпартшколу, и она долго не знала, что хронометраж он специально задумал для нее, чтоб надорвалась. Для того и подговорил ревнивую Кондакову. Поняла все лишь с годами. С тех пор Шуру словно подменили: подлость, как и доброта, часто изменяет характер, если человек сожалеет о ней. Дружбу бывшей соперницы Аннушка восприняла охотно и доверчиво. Тем более, что кровь ее помогла выкарабкаться из лап смерти. Знала, что детей никогда не будет, и о замужестве не помышляла.

Шли годы, ровные, как кирпич к кирпичу. Аннушка стала одной из лучших в районе, в работе и застолье ей не было равных, даже среди мужиков. Она и одежду предпочитала носить мужскую, и ругалась, при крайних обстоятельствах, матами.

— Заматерела — то пи в осужденье

— Перед тем, как открыть собрание, позвольте выполнить приятную миссию, — словно из горячего и влажного тумана доносились до нее слова Карманова, — Орденом награждается дорогой наш бригадир Анна Ивановна Новикова. Пожалуйста, Яков Сергеевич, вручайте!

На нее, сидящую, закрыв лицо руками, оборачивались. Подтыкали. Ободряюще звали. А когда, вскочив, рванулась к выходу, в зале возник переполох. Карманов пытался сгладить инцидент, крича что-то веселое про ее волнение. Пучился пол под ногами. Властный мужчина молча провожал неподвижным пристальным взглядом...

Сутки Анна пролежала в холодной комнате, не чувствуя голода, не вставая к телефону. Словно все повыгорело в груди. Знала, что на стройку больше — не шагнет. Было стыдно: поспешила! Однако утешала мысль, что время ее там — истекло. Привычная к долгому одиночеству, понимала, что и с Катюшкой трудно будет жить под одной крышей. Нет, не поедет. Мучилась и размышляла.

Спасительное решение пришло само собой. Вспомнила, что как-то по осени приглашали мастером в новое профтехучилище.

— Только ты же не пойдешь, Анна Ивановна? Зарплата — втрое меньше, да и ту через раз получаем. Ну а дети — сама знаешь, какое сейчас поколение. Плоды перестройки!

Ни свет ни заря уже была у директора. Бывший мастер, теперь уже степенный Николай Трофимович, встретил радостно. Глядел понимающе. Лишнего не спрашивал.

— Милости просим, Анна Ивановна, Аннушка... Да мы тебе самую лучшую группу дадим, пошли!

Распахнулись большие белые двери класса

МАТВЕЙ

Вселенная — сад осыпает с ветвей деревьев-галактик осенние звезды.

Сидит под березкой старый Матвей, осенним листком

прикорнувший на "Пора уж, — он думает Видно, пора!

Одрыхшему телу другой — не помню И руки болят —

не поднять топора Устала душа, зная и просится к Богу

"А что же душа твою скажет, старик?"

возник тут вопрос, будто ветер в проруби

Скажу, что по глупости — грех невелик, а по злоумышленности не было, вроде.

Прости, мол, где грех а то — накажи.

Умел согрешить, так куда ж от отвеса

А может быть, зими еще пережить погреть еще кости

под солнышком ладаном Да чуть повернешься — что от топора —

прострел в пояснице и ноги не держат...

И губы чуть слышно Как шелест: "Пора! Никто не поможет, ничто не утешит."

И все же — не лучше дожждаться весны

Проправнук весной — долён народить

Да как еще дело пойдет у Старика

Вот правнучка — в церкви решила

Да в мире — хотя и война за веру

а все же как будто не то напряженье

Неужто же, Господи Боже ты мой,

дойдут до всемирной разоруженья?! Ах, сколько же кров пролил народ!

И наш, и другие... Вот дурь-то вождя И сам — на трех войнах правнучка "Вперее-о-од! За Сталина! За торжество коммунизма!" И те: что "за Гитлера"

ля, Улинка и, наконец, старая, выжившая из ума Улинча. Правда, старики в Чапо-Олого иначе считали. Звали ее Улинча-большое сердце. С самого детства Уля росла на особицу.

Дичилась сверстников. Да и не до игр ей было. В семь лет отца задрал медведь, а у матери кроме нее братишка грудной у титки пустой орет. В лабазе ни крошки. Собаки и те от голода воеют.

Так день продолжалось и два. Долго еще. Пока хозяин Тайги не сжалился над бедной женщиной. Баятай тогда забрал у нее одного едока, мальчика несмышленого, а Улю оставил. Девочка прозрачная от недоедания была, как прожилки слюды, что часто попадают в скалах Кодара. Но выжила.

На будущий год мать Уле звериные тропы показала, научила капкан ставить. К девяти годам ружье, оставшееся от отца, Уле в наследство перешло. Вскоре она открыла свой охотничий счет. Да добыча-то не простой оказалась. Девчонка глухаря подстрелила — птицу чуткую, ни человека, ни зверя близко не подпускающую. Но Уля умела затаиться и выждать удобного момента часами. Через пару годков-клубков, временем из череды летних и зимних дней сотканых, Уля уже могла в смекалке и с соболем потягаться. А ее легкие ножки, казалось, не знали усталости.

К семнадцати годам Улинке не было равных в охоте по всей Чарской долине. Ее барелак, ожерелье из зубов, добытых на охоте сохатых, недавно пополнился клыкком хищной рыси и медвежьими зубами. Улинка с виду махонькая, где ей, кажется, с медведем — царем среди хищных зверей — совладать. Так она смекалкой брала. Наловчилась ловушки-медвежатницы из надпиленных листовниц ставить. И хоть хитер и осторожен медведь, а в западню, расставленную Улинкой, попадался. Когда молодая охотница сдавала пушнину на фактории, ее неудачливые сверстники от досады и зависти ежились. Беличьи шкурки, как на подбор, без единой отметины дробью. За белкой на прилавок ложился горностаи, и мех на его шкурах струился, словно лунный свет в ясную зимнюю ночь. Своей чередой шли шкурки соболя и куницы — ни в самой укромной норе, ни в глубоком дупле не могли схорониться зверьки от Улинкиных зорких глаз. "Не иначе сам Баятай, хозяин Тайги, сироте помогает", — судачили эвенки.

Многие парни не прочь были одной пыжкой с Улей на охоту идти. Некоторые

Черный камень — начнет гулять по свету, отыгрываться на встречных за нарушенный покой.

Но геологи, видно, табу не страшлись. Вгрызались в гору, рыли шурфы. Эвенки Апсат, где велась разведка, стороной обходили, чтобы не накликают на себя беду. Да геологи, случилось, сами к ним в селение с горы спускались. Пополнить запасы мяса. А то и просто от скуки, лядсы поточить. Особенно зачастил один парень, вечно злой, с приметной нечесанной шевелюрой, словно кудлатый пес у плохого хозяина. Ни одной девки мимо спокойно не пропускал. Обязательно со-

отдать. Уж больно пристрастился к "огненной воде", а ее "добывал" на фактории — в обмен на соболя.

Выпьет Кольча, и ну бахвалиться перед сородичами: "Баятай, хозяин Тайги, мою мамашу выделяет. Показал ей заветную тропу в богатые зверем места. А я, вот попомните мои слова, из Косоглазой секрет выблюю, узнаю путь в потайное урочище. Стану наипервейшим охотником в Чарской долине".

И верно. Колотил мать нещадно. Женщина от побоев передних зубов лишилась, сморщилась, как гриб после заморозков. Но молча сносила выходы сына.

наружу: снегу намело адов человеческих не вид. Покликал Улинчу, из ру. Нет ответа. А голод о себе дает знать, словно лудку проходится. Делать охоту собрался. Свист даже морды приподняли, ослабили.

Кольча выбрал напрток. Помнил, что мать в ну на промысел отправ оказался нелегкий. Глух крывал рытвины и расщелушки на каждом шагу

УЛИНЧИНА ТРОПА

леную шуточку отпустит. Уле проходу не давал:

"Что, косоглазая, дичишься? Или таежный медведь лучше тискает?"

Другой раз в упор уставится на нее и, не таясь, во весь голос заявляет: "Эвенушек я еще не пробовал. А вот эту, дикую, не прочь объездить".

Улинка вспыхивала румянцем и, не поднимая глаз, убыстряла шаг.

Геологи по осени свернули палатки и покинули предгорья Апсата. Так бы все и забылось. Но в Чапо-Олого стали замечать, что Уля заметно округлилась, глаза на сородичей вовсе поднимать перестала. Смекнули, что к чему. А тут еще кудлатый геолог о себе напомнил — с вертолетчиками, на зиму запас продуктов на факторию доставивших, переспал для Улинки бумажные деньги. Много, несколько пригоршней. Женщина не знала, что с ними делать. Сунула деньги в сумку под лежанку. Лишь когда сыном разрешилась, рюкзак достала, все бумажки разгладила и вновь припрятала. И как крест на своей бабьей доле поставила. На охоте душу отводила. Тут-то ей равных не было.

Сына, как и кудлатого геолога, Кольчей назвала. А он и впрямь с годами все больше отца стал напоминать. Не только обличьем, но и злым нравом. К матери иначе не обращался, как "косоглазая". Видно кто-то из мужиков надумил мальчика, рассказал, как геолог его мать величал. Подросток, кулаки в ход стал пускать. Особенно лютовал, если Улинча ему соболями шкурки не соглашалась

В Чапо-Олого от нее последний год слова не слышали, хоть и прежде в разговорчивых не числилась.

Заметно сдала бабка Улинча, но попутчиков на охоте и теперь не признавала. Если кто за ней увяжется, приналяжет на лыжах, только ее и видели, лишь ветер свистит вослед.

Но в тот памятный год зима выдалась на редкость голодная и холодная — птицы на лету замерзали, камнем падали на землю. Эвенки из Тайги с пустыми руками возвращались. Даже Улинче охотничья удача изменила. А может и не в удаче дело. Зверье в поисках корма, а птицы, спасаясь от лютых морозов. Искали новые урочища, перевалив через горный хребет, в низину. А старой женщине сил не хватало на дальние переходы, сказались побои. Редко-редко теперь зайцев из силков доставала.

Дележом зайчатины сын занимался. Кусок пожирнее себе, кости собакам. Улинче порой ничего не перепало. Она и не спорила.

А тут еще завьюжило, неделю пурга не унималась. Носа из жилища не высунешь, ветер с ног сбивает. Кольча зайчатину давно прикончил и больше не к завыванию вьюги, а к вою собственных кишочек в животе прислушивался. Не по натуре ему их перепляс пришелся. Поднял старую мать с лежанки, вытолкал из чума: "Иди, Косоглазая, поклонись Баятаю. Да без добычи не возвращайся. Не пущу к огню, так и знай".

Вьюга лютовала еще три дня, наконец, утихла. Кольча выглянул из зимовья

а тропы не видать. Беднбарактался в снегу, а не лась все ближе, заводя т Мороз все громче покрывал ее из виду. Собрав последом карабкается, свое т капкана вытаскивает. И бе не поверил — на твезался. Наконец, на немевшие ноги поднялся. гнать, а она словно расто духе, в последний раз к за мной.

Тоска смертная Кольча ла. И вдруг видит: мать манит к себе. Откуда взялась? Но пополз к раздирая руки в кровь. ком продвигался вперед ет ему призывно голову пльывает в темноту. Сын ее из виду. Собрав последом карабкается, свое т капкана вытаскивает. И бе не поверил — на твезался. Наконец, на немевшие ноги поднялся. гнать, а она словно расто духе, в последний раз к за мной.

Тропа, тянущаяся вни ма, привела путника к з были заготовлены дробрукой припасены спички, на. Кольча затопил печурячего чаю, согрел в нутна дверь поглядывал. мать бочком втиснется, настудить. Не дождался. лежанку.

Ван. Березин

ЦЭКА

Домик одноклассника Бурина Уваров нашел на краю деревни. Двери открыты настежь, так что стучаться нужды не было. В коридоре пусто, на кухне — тишина. Спальня, она же комната и гостиная, наверное, и детская безлюдна. Вот это номер! Вымерли что ли? Однако по разбросанным детским трусикам господин Уваров понял: жители дома проснулись, просто куда-то вышли.

Развернулся на крыльцо и он. Остановился перевести дыхание и услышал в сарайчике, в глубине двора женский голос. Кто-то кого-то крыл отборным матом. Вот это родное! Теперь я узнаю деревню! — решил господин Уваров, направляясь на ругань.

Непричесанная женщина в рваном халатике, открывающем отвислую грудь, молча выслушала его скороговорку. Господин Уваров спешил, потому как боялся получить сдачи про свою мать. Но женщина сказала миролюбиво:

— В ЦК твой Бурин.

Господина Уварова передернуло от этого фамильярного "твой Бурин". Зато сердце возрадовалось: "Вот это кореш! Знай наших, страна! Она куда хватил! Да я ему и в подметки не гожусь". Господи, какое же он ничтожество, когда так плохо думал о Викторе Ивановиче Бурине. Такие тут люди выросли! В ЦК вхожи! Ну и номер! Но что дальше делать? — Может, уважите, адресок дорогого Виктора Ивановича, телефончик, если, конечно, изволите! Нет, нет, я, дело понятное, не настаиваю, но все-таки... Все-таки столько лет, а?

Господин Уваров говорил и не узнавал своего голоса. Каким-то он стал тишайшим, новые, незнакомые слова прорезались: "Дорогой Виктор Иванович", "изволите"...

— Какой адрес? Какой тебе телефон? Да сроду я не видела этого телефона! Она твой Бурин за углом. Поди, свинья уже пьяный? Я этой бочке вонючей глаза выцарапаю. Днем и ночью пойлом торгует. Так и передай ему: напьется — домой пусть не приходит. На порог не пущу. Теперь иди отседова...

За домами, на отшибе, белела школа, длинная, низенькая, хозспособом построенная. Уваров прошел двор. Между двумя корпусами увидел врытую в землю дверь. Над ней свежей краской намалявано — "Центральная котельная".

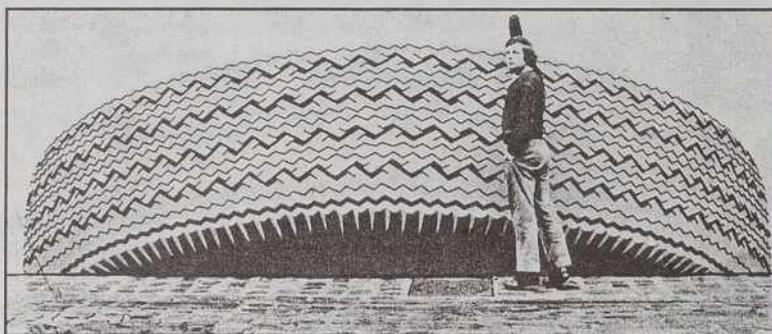

Фото наше.

Мих. Вишняков

ЗОЛОТАЯ БАДЬЯ

Явился на Руси добрый молодец Иван Ивашкин, косая сажень в плечах, силушка по рукам катается, как пригорки по горам. Пойдет лес сплавлять — по два плота сдвинет с берега, а начнет помогать народу храм строить — целую скалу принесет, на весь фундамент!

На этот раз мужики попросили воды

Дал добрый молодец три ковша золота на войско, на укрепу границы русской. Дал на дорогу в сибирскую землю, на соляной промысел, на почтовую гоньбу. Дал крестьянину на избу и печь, на плуг и борону, на горн и молот, на серп и жернова, все это — дело святое, народное.

Велика золотая бадья, да и Сибирь велика. Дал кружку золота, дал ложку, наперстком тоже одаривал — вдовице на учебу детей, старику-инвалиду на костыль, ткачихе на челнок, швею на иглу.

ДРЕВЕ

НОВОРУС ЗАКОНО

В начале 90-х годов двадцатого (нашего) столетия в одном из уголков Москвы появился некий человек, одетый старомодно, а именно: красный, выцветший от старости сюртук и лакированные когда-то, а ныне обитые башмаки. Представлял он из себя человека лет тридцати восьми, довольно интеллигентной наружности, полноват и немного лысоват, одет в вышеупомянутое, и вообще вид его был, мягко говоря, неряшлив. Звали его Павлом Ивановичем Чичиковым.

Он неуверенно шагал по Арбату, где можно встретить кучу сюрпризов, так что необычный наряд Павла Ивановича ни у кого не вызывал удивления. А шел он к себе домой, а именно, в недавно полученную в наследство от дальнего родственника квартиру, окна которой выходили на Кремлевскую стену. Придя домой, Чичиков снял картуз, повесил его себе на руку и в задумчивости сел на единственный в его однокомнатной квартире стул. Павел Иванович, вертя от скуки свой поношенный сюртук, обнаружил, что обе полы протерты до дыр.

Этого еще не хватало! — чуть не в истерике воскликнул Чичиков. Подумав некоторое время, наш герой пришел к выводу, что сюртук можно спасти, если отрезать полы. Так он и сделал, и получился довольно приглядный красный пиджак...

... Пока Чичиков наводил порядок в своем гардеробе, московские старожилы уже заметили его невзрачную фигуру на улицах столицы, и по дворовым углам успел пронестись тревожный шепоток, предостерегающий москвичей о предстоящем несчастье. Конечно, сам Павел Иванович и не замыслил никаких коварных планов, но слухи есть слухи, а в России принято им верить больше, чем фактам.

устроиться на ра-
московских школ
ря 1993 года нач-
на должности уч-
во втором "К" (с
как Чичиков — ч-
и даже добрый,
стал кумиром к
ешь — неспокой
и кидает ее, ро-
крайность. Так н
кратизации всп-
1993 года. И, как
лейший Павел И
лого дома... Пом
и грех, но травм
повторила травм
вел Иванович и
тать на прежнем
очередной травм
ности стал полу-
тем авторитет Ч
ше его класса в
новая травма ем
нок пикантности
так: "Это у него
пришла пора Па
ваться со своим

2007 02-04.

ВНЧАЛ ЧИТА Литература

№ 2 (56)

Литературно-художественное прилож

*Живет в глазах у юности мечта,
Исполненная чувственного света,
Так ждет тепла продрогшая Чита
И звона трав березового лета.*

НА СНИМКЕ: студентка
четвертого курса
отделения журналистики ЧГПУ
Инга ЕСИПОВА

Фото Александра КАЛАШНИКОВА.

СЕЗОН НОВЫХ СТИХОВ

Представлять Бориса Макарова едва ли нужно. Творчество российского писателя, живущего в далеком старинном селе Акша, хорошо известно широкому кругу забайкальских читателей. Сегодня "ЧЛ" печатает на своих страницах не только поэтическую лирику и талантливую прозу Бориса Константиновича, но и юмористические стихотворения в рубрике "Дребезги".

На острых изломах времен,
Решая по-новому жить,
Нам надо преданья племени родных
Не предать, не забыть.
Богов своих старых круша,
Кумиром давая бой,
Нам надо, чтоб наша душа живая
Осталась живой.

ДЕТСТВО

Меж кустов от солнца рыжих,
Обогнав ненужный страх,
Я лечу с горы на лыжах —
Слезы стынут на ушах!
А потом из шума-гама
Через озеро домой,
И молоденькая мама
Поясок развяжет мой.
Снимет валенки-ледышки:
— Не сынок, а снежный ком.
И на пальцы мне подышит
Самым радостным теплом.

В МАГАЗИНЕ ИГРУШЕК

Кругом идет голова.
Только ради коня
Мы любые инфекции стерлим,
И в защиту его
Мы отыщем любые слова.
Пусть он скачет под елкой,
раздвинув фонарики грудью,
Золотистой уздечкой
Легко и напевно звеня.
...Я в войну был мальчишкой
И видел, как взрослые люди,
Чтобы нас накормить,
Убивали живого коня...

Не помню, на каком вокзале...
Откуда ехал и куда...
Кому-то женщина сказала:
"Любимый, жду тебя всегда!"
Сказала громко и раздельно,
Ничуть не ведая стыда.
И вслед за поездом летело:
"Любимый, жду тебя всегда!"
Купе жевало, гоготало,

Борис
Макаров

От белых сапожек твоих...
Годы прошли,
И пустые убиты забылись.
Только уж молодость нашу
Никак не вернешь.
Трудно понять,
Почему эти строки сложились.
Все же надеюсь,
Что ты их прочтешь
и поймешь.

Жене моей Вале

Скажешь имя — спросят отчество.
Не скала — ступень крута.
Все желанней одиночества.
Все презренней суета.
Не в почете деньги, вещи ли —
Впереди не бездна дней.
Только взгляд любимой женщины
Все нежней
И все нужней...

ПОХО ОТМ

М

подхватывает ветер легку
кружив, несет к электрич
давливаю задники чьих-то
няюсь, но в ту же секунду
кому-то на ноги. Поток в
бурлящий пассажирский
вив на мгновение, на как
дится подземка, невольн
Через минуту, обдав тепл
жий на огромного питона,
тящий зеленый экспресс.
Электричка, за считанн
брав скорость, с грохотом
ном тоннеле. Через оста
Страшно хочется горячего
вареньем. Хотя сейчас не
и тарелка супа, только та
но варит мама.

Но вот и Проспект Мир
быть тихий и незаметный
улок. Город еще спит, лиц
нах магазинов огни ярких
мом летят по дороге краси
рогие машины.

В кармане куртки, ежас
жит мятая полусотенная, в
го знакомого лица, и в гол
кая сцена — тысячи фигу

(Окончание. Начало на стр. 1)

орум, без сомнения, стал заметным событием не только в литературной жизни страны, но и в жизни каждого его участника. Однако это была не просто встреча полярно заряженных людей. Это бы-

ла первая и очень осторожная попытка признать тот безусловный и очевидный факт, что сегодняшняя литература, мягко говоря, недомогает. Говоря о том, какой именно она должна быть, нельзя дать утвердительного ответа хотя бы потому, что литературные вкусы людей заметно отличаются друг от друга. Кому-то нравится жанр детектива, кто-то, например, не может уснуть без романа, а кому-то вполне достаточно прочесть страницу яркого журнала. Это одна причина. Другая причина в том, что на каждом витке истории сознание общества, его мировоззрение претерпевает очень большие перемены. Именно поэтому для многих до сих пор непонятен смысл Нагорной проповеди, и по той же причине гамлетовский вопрос "Быть или не быть" остается актуальным во все времена.

Однако одно ясно совершенно точно: литература должна быть интересной и, в лучшем смысле этого слова, поучительной. Ведь книга — это не только захватывающий сюжет, это, прежде всего, опыт писателя. И вот тут уместно вспомнить добрую народную поговорку: "С кем поведешься, от того и наберешься". В литературе должна быть душа, что-то, помогающее читателю понять мир и найти в нем свое место. Книга, причем любая, — это, в отношении нашей с вами жизни, грубо говоря, руководство по эксплуатации. Чего именно, это уже отдельный разговор. И, конечно же, литературы не может быть без слова, не того набора знаков, зачастую бессмысленных и пошлых, которые уже надуло в книги "ветром перемен", а настоящего красивого слова, которым всегда был богат русский язык. Ведь слово призвано нести душе свет! Понимая это, организаторы Форума сделали все возможное для того, чтобы каждый его участник почувствовал за любое сказанное или написанное слово личную ответственность.

А теперь о том, как все начиналось. Весной 2001-го года фонд Сергея Филатова взял на себя нелегкий труд по осуществлению программы поддержки молодых писателей. Старт программе дали поездки известных литераторов по 18-ти наиболее крупным регионам России с целью поиска молодых талантов. В результате был собран и привезен в Москву для обсуждения богатый и очень интересный материал. Рукописи были профессионально отрецензированы и лучшие из них рекомендованы для публикации в известных литературных журналах. После тщательного просмотра рукописей вывод высокого жюри оказался

ровым испытанием на прочность. Это только кажется, что легко признать свои ошибки. На самом деле, быть объективным и правдивым по отношению к себе и своему творчеству очень непросто. Тут нужен профессиональный совет. Для этой цели были организованы семинары с участием известных литераторов.

Сразу хочется отметить уровень семинаров. Достаточно сказать, что практически каждый участник Форума окончил, как минимум, один ВУЗ, причем зачастую образование было литературным. Поэтому особым был и подход к молодым авторам — строгим, а порой просто беспощадным. Это как в медицине — сложит врач сло-

жным. С непривычки. На следующий день было уже лучше. Смех смехом, а под кем-то, действительно, земля горела. Попасть к Роману Солнцеву на литературную "разборку" — это не на блины к теще навдаться. Тут не будет реверансов в сторону юного возраста (были ребята, которые не отметили даже двадцатилетия) и в сторону личного представления о литературе, и о поэзии, в частности. При разборе текстов все было конкретно и решительно. Как в бою. За каждое слово. Слово слабое и неотшлифованное браковалось без сожаления. Потому что здесь был единственно-справедливый и нелицеприятный судья — Ее Величество Литература.

в наши дни происхо- двух поколений. По что события два- давности для много- десяти, оказались в прошлом, что кто-то зря. Ведь если гово- все мы — дети "пос- дети демонстраций, оставили в прошлом. Вспомним хотя б- время литературны- ческом! Эти встречи- волом русской сло- щим началом для в- ящее русское слово.

ПОХОРОНЫ ОТМЕНЯЮТСЯ

манные кости в спешке, так они потом и сростутся. А на этом Форуме переломы были у многих, но как показало время, кости срослись правильно — руководители точно сложили.

Для того, чтобы понять, что такое настоящий литературный семинар, нужно лишь побывать на нем в качестве участника (почему именно настоящий, я объясню чуть позже). Мне посчастливилось быть участником семинара под руководством красноярцев Романа Солнцева и Евгения Попова, известных поэта и прозаика, представлявших на Форуме редакционную коллегию литературного журнала "День и Ночь". В общих чертах — это волки, съевшие на литературе не одну собаку, да простят меня за комплимент Роман Харисович и Евгений Александрович. Одним словом, это очень интересные люди, а главное — профессионалы.

День пролетал незаметно за разговорами, спорами и перекурами. Вечер был единственным временем для хорошего отдыха. Кто-то плавал в бассейне, борясь с тугими струями гидромассажа, кто-то играл в теннис или на бильярде, ну а кому-то было достаточно компании новых друзей и приятной джазовой музыки.

Думаю, будет несправедливо, если я обойду вниманием программу Форума, в которую были включены встречи с известными людьми, например, с писателями Данилом Граниным, Борисом Васильевым, Владимиром Маканиным и Риммой Казаковой. Кроме того, с молодыми литераторами любезно согласились встретиться министр культуры Михаил Швыдкой, советник Президента РФ Илларионов, министр труда Починок и заместитель председателя Правительства РФ Валентина Матвиенко.

Незабываемое впечатление произвел

ту Союза писателей все-таки было чем. но. В коммунистичес- авторитетная и мощ- словом считались да-

Главным преимуще- лей СССР была отл- профессионального от- членского билета н- лечь под беспощад- коллег. Тогда бояли- билетом: доставалос- давал своему облад- бо треклятой идеол- буквально размазал- уже не возвращатьс- этой теме, букваль- этом.

Идеология, на са- то, что многие под э- наслушавшись "б-

Виктор
Мушин

Н

астя, по при-
роде тарато-
ра и хохотуш-
ка, в этот раз
— к удивле-
нию всех до-
машних —
молчала. Про-
вожая Витьку
— мужа свое-
го — в дорогу,
она не торо-

пясь, с неподдельной аккуратностью укладывала в чемодан его нехитрые пожитки. Вдруг, словно бы очнувшись ото сна, перекрестилась на икону и затараторила последние наставления:

— Ви-тень-ка! Я тебе кармашек пришила. С изнанки, незаметно. Застегнешь на булавочку — сохраннее денежки будут. Всякого народу хватает в городе: и славные, и худые люди попадают. Из кармана пинжачка аль из дипломатки стянут, не углядишь, а тут... Тут наде-о-жно. Чемодан тебе собрала — три рубашки положила. Все эти беленькие, одна только с буквами, газета называется, — самая, что ни на есть, мода. В замазюканной рубашке в школу не ходи, выстираешь, чай, воды в Приморске полно, город у моря всеш-таки. Да не связывайся там с городской шпаной, холку — чего доброго — надерут.

— Витьке не надерут, — возразил свекор. — Твой мужик, паря, кулаками махать — дока. Но в драку, Витька, боле не встревай, а то ить, ночью, опять не поступишь учиться в свой культпросвет.

Витька слушал, изредка для порядку огрызался: что, мол, поучаете, не детский сад, но по выражению лица было видно — мотает парень на ус.

Мотать-то мотал, но и думал: "Как не встрянешь в потасовку, коль робкого парнишку ни за что, ни про что бьют, изуверы!"

Сам он в жизни никогда и никого пальцем не тронул, но постоять за себя или за какого-нибудь там беззащитного — ради Бога.

Когда, где он в этом ремесле поднаторел, кто знает?

Зато другой, немаловажный факт о нем, знали жители всего села: музыкальные классы по баяну Витька закончил, почитай, на деревенской завалинке, на глазах у всей деревни. Витька Кулижкин здорово играет на баяне! Бы-

До девок ли Витьке? У него одно на уме: кабы приняли учиться. В прошлый год испытывал судьбу, да опоздал на экзамен — разодрался на улице с хулиганьем и его забрали в милицию. Покуда там разбирались, кто прав, кто виноват — уж можно было ехать восвояси, ни с чем. А так в прошлый год все экзамены Витька сдал на пятаки, кроме истории.

— Уж ночью-то постараюсь, ни во что встревать не стану, — настраивал себя Витька.

В город Приморск Витька приехал глубокой ночью. Пока ждал утра, о чем

всего — глаза разбегаются. А я... Деревня.

Но прошло какое-то время, и Витька изменил отношение к себе, по крайней мере, в следующие дни пребывания в Приморске дурно о своей персоне не думал. На улицах города он чувствовал себя как рыба в воде, и мучения Витькины заканчивались со сдачей экзамена по истории. Историю человечества Витька не то чтобы не знал, но шпаргалками обзавелся на самый крайний случай, а вдруг...

За два дня до заветного рубежа выстирал он заношенные донельзя руба-

не найдя в нем ничегоше- дительного, утихомирил

— Шут с ним, пушай лал снисхождение пню к ка и у него отлегло от се- знал он, что произойдет несколько минут...

По билету он ответил одним дыханием протара- знал.

— Будут ли к абитури- тельные вопросы? — про- явшейся тишины голос комиссии.

— Будут — двусмысле- вал тот, старый, корявый ставал, разглядывая Ви- издалека:

— Видите ли, по на- морску частенько проха- лодые люди в одежде на...

По не досказанной еш- ке уже стало ясно: всему

— Как это не подума- истории — дело-то поли- што влажную рубашку не ре все одно дождик льет. Теперь бы уж на мне в Настя! Вот так подкузьми-

А пень тем временем — Они, враги, тем са- поколебать незыблемые устои нашей страны...

— Батюшки, что гов- го-о-во-орит? — запаник-

— В тюрьму за рубах- посадят, а в культпрос- учиться, как пить дать, не

А экзаменатор распал- ше и больше и вопрос у- ром:

— Вот и ответьте мне ловек, что же написано тюме? Слово костюм он делил, и от поставленно- зом вопроса не то, что приемная комиссия зата-

— Все, приехали... — Витьку. — Опять завал. зищами в деревне-то правда, люди что подум- дескать, Витька на баян культпросветшколу не бушка!

С красным от волнен- растерянности ерзал не знал, куда от смущения куда определить трясуш- вдруг чужими руки. Чет- добротной, белоснежной ские буквы никак не с- слова и, более того, ре- его глазах. Он как ни сил- прочесть ни одного из- журналов мод, стран со- го содружества, нанесен- ском порыве неизвестн- модельером на его руб- ленную его Настей без-

ИСТОРИЯ ЭКЗАМЕНА ПО ИСТОРИИ

только не передумал. В Приморске у него ни родных, ни знакомых, значит о жилье печаль-заботушка. А тут еще Настена не выходит из головы: как она там одна станет управляться по хозяйству? Но скоро в вокзальное окно, сквозь мутное стекло, стало проглядывать утро, серое и мокрое.

— Пора, — решил Витька.

Он потянулся. Зевнул и нехотя пошел к выходу.

В Приморске в это время года погода — дрянь, морозно, до макушки лета теперь на небе солнышка не сыщешь. А уж как дождь-то хлынет... Оттого у Витьки настроение на ноле. Город большущий. Трамваи, всякие автомашины так и снуют. Зазеваешься, того и гляди под колесами сгинешь. А прохо-

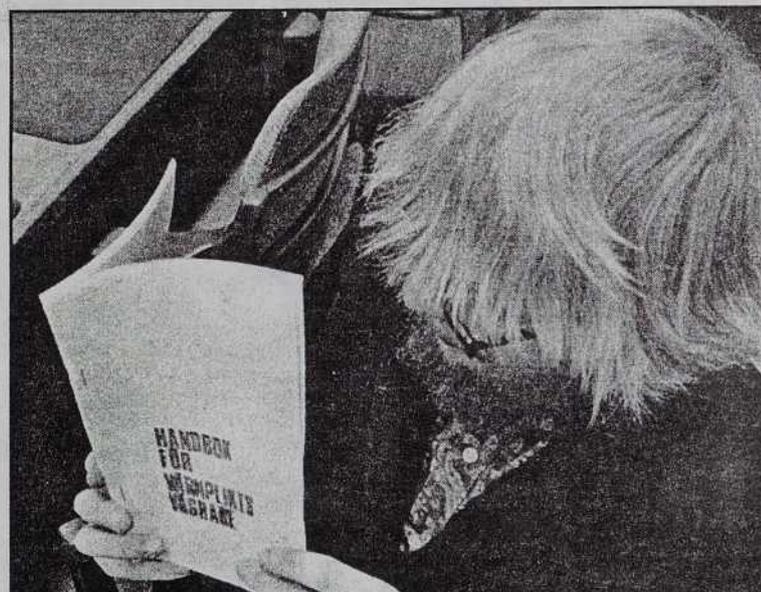
хи (ту, что Настя "газетой" обзывала- величала, не надел ни разу, совестил- ся). В повышенной влажности города Приморска они, Витькины рубахи, никак не сохли, так и висели сырые.

В назначенный день он встал по- раньше.

— Ничего, — сказал, снимая с вешалки одну из сорочек. — Вот, ужо, я тебя уютюком горяченьким...

Но электричества в сети, как на грех, не оказалось. Побегал, посуетился Витька у холодного утюга, да и напялил на себя "рубаху-газету". С полми- нуты красовался в обновке перед зер- калом.

— По-о-тя-анет, — только и произ- нес.

С

осед мой, бывший колхозник, а нынче никто — Петька Чебаков — в городе не был лет десять-пятнадцать. Незачем и не на что... Билет на частный микроавтобус, который ходит из города в нашу Шибуршу и обратно раз в неделю, стоит в один конец 180 рублей, в другой — 190.

Почему так? — никто не знает, не понимает. Пробовали выяснять у шофера, он нас на... фиг... послал:

— Я нанятый. Хозяин в городе. Говорит, от вас туда дорога под уклон, а оттуда подъемы на хребты круче... И вообще — пошли вы... Я за свои копейки еще и вникать-разъяснять не собираюсь...

Мрачный он такой, неразговорчивый — весь из костей — и душой и телом шофер-то микроавтобусовский. Похоже на то, что эту разницу в десятку он сам для своей пользы-выгоды придумал и теперь его совесть изнутри гнобит, подсасывает.

180 да 190 — триста семьдесят будет. Да пожрать еще надо и дорогой, и в городе, до него "микрик", по рассказам, часов восемь по хребтам-сопкам ползет.

Петька же, как и все мы, его соседи, мужик безденежный. Коровенку, бычка, десяток кур имеет, картошку с женой Катериной на двадцати сотках сажает, за грибами, ягодой бегают — ничего, выкручиваются, не голодают. К тому же тайга нас не только грибами и ягодой подкармливает. В удачный охотничий сезон можем таким бухулером угостить — ни в какой ресторан не погнет...

Однако спроси Петьку, какие сейчас деньги в ходу, эти самые, как их — купюры, уверен — ни он, ни Катерина его сразу не ответят. Если и видят они деньги — не часто. По осени заезжим коммерсантам картошку или мясишко продадут — внучатам на обувку, одевку сотню, другую выручат и все.

Так и все мы едим, что вырастим, добудем. А чтоб о дальних поездках думать и мысли нет. Вон на луговины за сеном да в лес за дровами съездить и ладно — считай, за границей побывал.

И все же Петьке недавно пришлось в город выбраться.

Еще летом начал он подкашливать. Может, на рыбалке с неводом ползил — простудился, а скорее всего собственным самосадом себя до кашля довел. Самосад у них, Чебаковых, отменный. Однажды Петькин внук, третьеклассник Федька, горсточку табака у деда спер да моего внука второклассника Ганьку за стайкой в огороде бычком самокруточным угостил — обоих потом бабки молоком отпаивали.

Покашлял, покашлял Петька и к нашему фельдшеру Ивану Григорьевичу пошел. Время-то к охотничьему сезону продвигалось, а какой из кашля охотник — разве что с браконьерами связаться, загонщиком

пусть дочка с зятем отсылают. Люди они устроенные, денежные, в милиции работают. Но потом посудили-порядили, покурили-подумали — решили: не хрена Петьке там, в городе, излишне бедствовать — здесь этого удовольствия по самое горлышко хватает. Три года Петькина дочка Нюрка дома не была, зятя отцу с матерью не показывала. Вдруг да от денег, чинов своих жиром обросли, в жадности, как в паутине запутались. Забудут, не догадаются отцу билет на обратный путь купить — что же ему кланяться им или пешком топать?..

... Две недели пробыл Петька в городе. Домой вернулся довольнехонек. Рассказов

чаю, — рыжее тебя во всей нашей Шибурше пацана не было, да и нос у тебя провисом на огурец соленый похож".

— Ну что ж, — лыбится Кешка, — давай-ка вот сюда, в пивнуху "Водка. Пиво. С раками" забудемся да посидим. Я здесь часто свое детство, нашу деревню вспоминаю. Как вы там, мужики, думаю. Времена нынче трудные...

— Водка. Пиво. Ничего, можно, — отвечаю, — но вот последнее слово мне не по душе. Соромщина. Объегорят, поди, и на дорогу вышвырнут, об асфальт этими самыми...

— Одичали вы там... — захохотал Кешка и в пивнуху меня чуть не на руках занес.

ШИБУРШИ

о поездке, о городе, о жизни городской тоже недели на две, а если с передыхом, то и побольше.

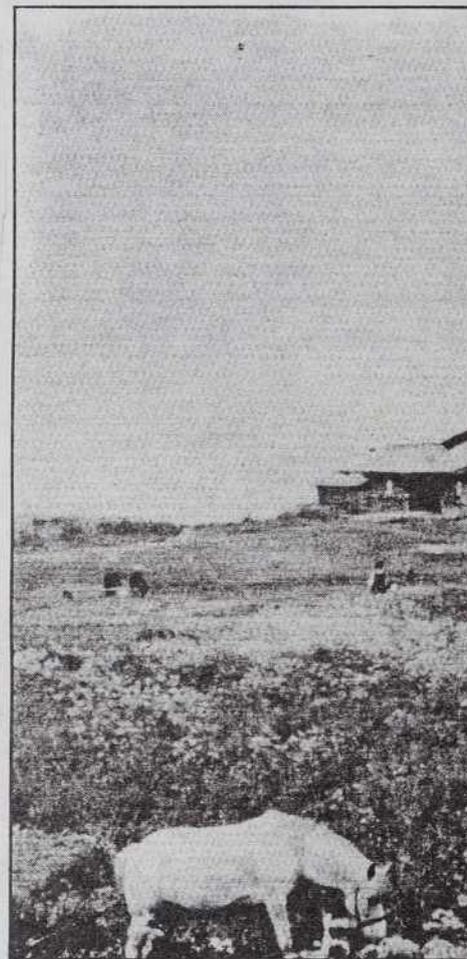
— Встретили меня дочка с зятем по высшему классу. Квартира у них что надо. Все время я в отдельной комнате на отдельной тахте спал. Комната большая, обоями с беленькими ромашками обклеенная. Проснешься, глаза откроешь — в раю. Комната для нужды, по-нашему сортир, тут же — за дверью. А на двери сортира, чтобы ее с комнатной не перепутать, две картинки: девочка на горшочке и мальчик на цветочек писает.

Еда — на выбор. Хочешь — сыр, хочешь — колбасу. А вот насчет выпивки — ограничение. Два раза за все время с зятем посидели — бутылку не выпили. И все же один раз я от души надрался.

... Иду из больницы. Меня туда сразу по приезде Нюра пристроила. Два дня врачи слушали, крутили, постукивали — обошлось. Назначили какие-то процедуры и все. Придешь в положенное время, обмотают тебя проводками-трубочками, посидишь, полежишь часок — и свободен. Курить, правда, запретили: "Хочешь жить — забудь про табак!" А попробуй-ка, забудь, коли ты полвека прокурил. Так я приспособился. Целый час перед этими самыми процедурами не курю, да еще американской вонючей жвачки перед заходом пожую...

Ну, значит, однажды сняли с меня проводки-трубочки — решил я по городу прогуляться. Днем дочь с зятем на службе — одному скучновато.

... Иду, вывески разные читаю. Их теперь там — тьма-тьмущая: и "Массаж", и "Вернисаж", и "У Петра", и "У Марфуты" — что к чему и что зачем всей деревней не разберешь. И вдруг слышу: "Петр! Петька! Чебаков!" Гляжу, с другой стороны улицы мужик между машин ко мне выхлещет. Брава-ва-ва! Народу много. Как я сразу до приезда

Красота в пивнухе, надо сказать, райская. Чисто и стенки вроде бы как фольгой обклеены — блестят, переливаются. По середине пальма, как настоящая — большая и орех на ней волосатый, что твоя голова, висит.

За стойкой две девки — щекастые, грудастые, накрахмаленные, улыбочивые...

Народу много. Как я сразу до приезда

Это была демоверсия книги - Газета "Чита литературная" за 2002 год

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34